

РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

ББК 83.3(2=411.2)
УДК 8; 82.02/.09

Д. Вальчак¹
Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com

КОНФИСКАЦИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ ИКОН КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕПРЕССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Н. С. ЛЕСКОВА «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ» И РОМАНА П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»)

В настоящей статье проводится подробный анализ способа функционирования и функции мотива агрессии по отношению к старообрядческим иконам со стороны представителей российских государственных властей в рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» (1873) и в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871–1881), а также устанавливается связь между биографией и миросозерцанием авторов и их отношением к вопросу конфискации и уничтожения староверских образов.

Как в произведении Н. С. Лескова, так и в первой части диалогии П. И. Мельникова-Печерского конфискации и уничтожение староверских икон указаны как одни из более существенных элементов государственных репрессий по отношению к старообрядцам, хотя и оценка репрессий, направленных против образов, у каждого из вышеперечисленных писателей совершенно иная. Несмотря на тот факт, что оба автора желали воссоединения старообрядчества с Православной Церковью, они по-разному расценивали принудительные меры государственных чиновников по отношению к приверженцам старой веры. Сочувствующий старообрядцам православный публицист Лесков в своем «Запечатленном ангеле» создает крайне пессимистическую картину абсолютного самоволия и самовластия государственных чиновников по отношению

---

¹ Вальчак Дорота, аспирант, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша

к лишенным гражданских прав старообрядцам, которые переходят все нравственные границы и не останавливаются даже перед очевидным кощунством, совершенным по отношению к общеправославной святыне – иконе Ангела. В то же самое время активно борющийся со старообрядцами государственный чиновник П. И. Мельников-Печерский показывает конфискацию староверской иконы Богоматери Казанской как вполне оправданную меру, способствующую скорейшей ликвидации церковного раскола.

Ключевые слова: икона, иконоборчество, православие, раскол, старообрядцы, репрессии, Н. С. Лесков, П. И. Мельников-Печерский

Агрессия по отношению к старообрядческой иконе со стороны государственной власти и Русской Православной Церкви имеет долгую историю. Сами старообрядцы первым и главным иконоборцем считали патриарха Никона, который будто бы в 1654 г. в установленный в честь победы над иконоборчеством праздник Торжества Православия разбил несколько икон, которые, по его мнению, были «плохо написанными» [1, 12]. В XIX–XX веках особую популярность среди старообрядцев получает «Повесть о ерархе нашем Никоне», к которой и прилагается печатное изображение «Никон разбивает св. иконы». В старообрядческом сознании все представители новой, «никонианской» Церкви являются иконоборцами, а сами древние иконы – их жертвами, а в некотором смысле даже мучениками «антихристовой» власти. Русский историк О. Ю. Тарасов утверждает, что в мире старообрядцев страдания уничтожаемых икон сравнивались со страданиями Христа:

«Довольно сложный для русского опыта мотив страдания и невинного поругания получал отсюда дополнительную глубину, – пишет он, – отражающий и утверждающий его визуальный код святости, помимо традиционных образов страстотерпцев, включил и огромное количество переписанных и уничтоженных икон» [9, 147].

Ситуацию усугубляли официальные постановления о публичном сожжении икон первомучеников старообрядческого благочестия, прежде всего знаменитого протопопа Аввакума [9, 148]. Принимаемые государственными властями меры были абсолютно недействительными и только вызвали еще большее озлобление среди староверов, к тому же, старообрядцы верили, что сожженные образа сразу поднялись на небо.

Ничего удивительного, что агрессия по отношению к старообрядческим образам нашла свое отражение также и в русской

Д. Вальчак

литературе. Так, в рассказе Николая Семеновича Лескова «Запечатленный ангел» (1873), как и в дилогии Павла Ивановича Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» (1871–1881) конфискация и уничтожение староверских икон показаны как элемент государственных репрессий по отношению к старообрядцам, хотя оценка мер, направленных против них, у каждого из вышеперечисленных писателей описывается по-разному.

В рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» иконы отбираются у старообрядцев-каменщиков группой государственных чиновников. Отнятие и частичное уничтожение старообрядческих образов является там некой разновидностью личной мести владельца, так как начальник чиновников чувствует себя обманутым старообрядцами: молитвы, которые староверы должны были совершать перед своими иконами за успех его (добавим – абсолютно нечестного) дела оказались недейственными. Ни сам чиновник, ни его подчиненные не считают агрессию по отношению к иконам безнравственной. Более того, начальник предлагает старообрядцам «сделку»: если они дадут ему большую взятку, он вернет иконы, в противном же случае угрожает, что уничтожит все образа: «Давай по сту рублей со штуки, иначе все выпекую» [7, 550].

Чиновники во время обыска значительно портят иконы. «Один печати накладывает, другие в описи пишут, а третьи буравами дыры сверлят, да на железный прут иконы как котелки нанизывают» [7, 578 – 579], – ужасается артельщик-рассказчик. Когда начальник чиновников узнал о том, что старообрядцы никак не смогут дать ему назначенной суммы выкупа за каждую икону и вместо ста предлагают по два рубля от штуки, впал в ярость, которая еще более усугубилась, когда увидел, что жена хозяина артели, Луки Кирилова, Михалица, пробует скрыть перед чиновниками самую ценную икону – образ Ангела. Хотя чиновники незаконно отбирают образа у старообрядцев, их же называют ворами и мошенниками. Начальник в ярости поставил раскаленную печать прямо на лице Ангела:

«Ага! Вы, мошенники, хотели ее скрасть, чтоб она на болт не попала; ну так она же на него не попадет, а я ее вот как! – да, накопивши сургучную палку, прямо как ткнет кипящую смолой с огнем в самый ангельский лик!» [7, 580].

Мучения запечатленного Ангела приравниваются старообрядцем-рассказчиком к человеческим страданиям, на запечатленном лице иконы он видит не расплавленные краску и олифу, а кровь и слезы:

«Помню только, что пресветлый лик этот божественный был красен и запечатлен, а из-под печати олифа, которая под огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила вниз двумя потоками, как кровь в слезе растворенная...» [7, 580].

Агрессия начальника по отношению к иконе Ангела является выражением злости чиновника, а не частью каких-либо более продуманных репрессий против старообрядцев, хотя показана Лесковым ситуация показывает, что староверы являются совершенно бесправной и беззащитной социальной группой, которая не может рассчитывать на то, что их права будут соблюдаться.

Несмотря на то, что отнятие и запечатление иконы Ангела составляет главную линию рассказа Лескова, исследователи практически не пытались рассматривать данного произведения в контексте репрессии по отношению к старообрядцам. Польский литературовед Б. Трояновская, посвятившая старообрядческой святыне целую главу в своей монографии, вообще не затрагивает эту тему [10]. А ведь в трактовке Лескова это явление получает глубокий идейный смысл; как пишет К. Гримстад, отнятие у старообрядцев их иконы переносит чисто физическое странствие каменщиков на новый, духовный уровень – их мытарства парадоксально становятся путем к воссоединению с официальной Православной Церковью [3, 131]. Старообрядцы, желая возратить себе и распечатать отобранную у них святыню, долго странствуют по безблагодатному миру. Сперва они находят иконописца, согласившегося написать для них точную копию иконы, а потом с помощью хорошо относящегося к ним инженера-англичанина и его жены пытаются подменить помещенный в местную церковь образ, но их поражает чудо – печать со списка иконы сошла сама собой. Пораженные старообрядцы решают перейти в православие и остаются в православной Церкви даже и после того, как выясняется, что никакого чуда не было – жена инженера, не желая портить икону, прикладывает печать не к самому образу, а к бумажке, которая потом и отклеилась. Развязка рассказа была встречена очень язвительной рецензией Ф. М. Достоевского, посчитавшего, что, если главной причиной обращения старообрядцев в православие было фальшивое чудо, осознав ошибку, они должны были вернуться к своей прежней вере [2, 55].

Как мы видели, несмотря на в общем-о оптимистическое окончание, в своем произведении Лесков создает крайне пессимистическую картину абсолютного самоволия государственных чиновников по отношению к бесправным старообрядцам, которое переходит все нравственные границы и не останавливается даже перед очевидным кощунством по отношению к общеправославной святыне –

Д. Вальчак

иконе Ангела, в то время, как другой писатель, П. И. Мельников-Печерский показывает конфискацию староверской иконы Богородицы как вполне оправданную меру, способствующую скорейшей ликвидации церковного раскола. Отношение писателя к староверам объясняется фактами из биографии писателя – П. И. Мельников был чиновником Министерства внутренних дел, нарочно посланным в Поволжские леса, чтобы бороться с церковным расколом. В 1849 году он лично конфисковал и вывез из одного из старообрядческих скитов особо почитаемую староверами икону Богоматери Казанской. «Ему всего-то 30 лет, и у него нет воинского сопровождения, а он вторгается в глушь Черной Рамени, в дремучие дебри керженских скитов. Просто Кортес от МВД», – насмешливо охарактеризовал Мельникова современный писатель А. В. Иванов в своем романе «Псоглавцы» [4, 269].

П. И. Мельников, который под псевдонимом «Андрей Печерский» опубликовал известнейшую дилогию о жизни старообрядцев в приволжских лесах – «В лесах» и «На горах», в ней он много внимания посвятил и известному «выселению» старообрядцев, в котором принимал деятельное участие. Большая часть действия романа «В лесах» происходит в расположенной в керженских лесах женской старообрядческой обители, игуменьей которой является мать Манефа, приведшая скит к цветущему положению. Как многократно подчеркивает Мельников-Печерский, в манефиной обители хранятся многочисленные древние очень ценные иконы, особо почитаемые старообрядцами:

«Мать Манефа была вся в свою предшественницу Екатерину. Обитель при ней процветала. Она считалась лучшей обителью не только во всем Комарове, но и по всем скитам керженским, чернораменским. Среди ее, на широкой поляне, возвышалась почерневшая от долгих годов часовня с темной, поросшей белесоватым мхом кровлей. До трех тысяч икон местных, средних и штилистовых стояли в большом и в двух малых придельных иконостасах, а также на полках по всем стенам часовни. В середине большого пятирусного иконостаса, поставленного у задней стены на возвышенной солее, находились древние царские двери замечательной резьбы; по сторонам их стояли местные иконы в серебряных ризах с подвешенными пеленами, парчовыми или бархатными, расшитыми золотом, украшенными жемчугом и серебряными дробницами <...>. Малые образа древней иконописи, расставленные по полкам, были украшены ризами обронного, сканого и басменного дела с жемчужными цатами и ряснами.

Тут были иконы новгородского пошиба, иконы строгановских писем первого и второго, иконы фряжской работы царских кормовых зографов Симона Ушакова, Николы Павловца и других. Все это когда-то хранилось в старых церквах и монастырях или составляло заветную родовую святыню знатных людей допетровского времени» [8, I, 333–334].

Однако, как утверждал рассказчик, особым почитанием пользовалась икона Богоматери Казанской, с которой местная легенда и связывала само основание керженских старообрядческих скитов. Легенду эту Мельников-Печерский пересказывает в своем романе дважды – устами рассказчика и устами матери Манефы – чем и подчеркивает ее особое значение для самого существования лесных обителей. Суть же легенды заключается в том, что один из монахов Соловецкого монастыря (которые отказались подчиниться церковным реформам патриарха Никона), инок Арсений, чудесным образом бежавший из осажденных царскими войсками Соловок, увидел на облаке икону Богоматери Казанской и услышал исходящий от нее голос: «Гряди за мною ничто же сумняся, и где я остануся, тамо поставь обитель, и пока икона моя будет в той обители, древлее благочестие будет в ней процветать» [8, I, 321]. Рассказчик говорит о том, что по преданию летающий на облаках образ якобы довел Арсения до Шарпана, где инок и основал лесной скит, в котором впоследствии была поставлена чудотворная икона.

Во второй раз легенда об Арсении и чудесном явлении ему иконы приводится в разговоре между наставительницей скита, матерью Манефой и богатой богомолицей, Марьей Гавриловной Залетовой. Монахиня жалуется госте на притеснения старообрядцев со стороны государственных властей и высказывает свое беспокойство, вызванное известием, что государственные чиновники, встревоженные популярностью чудесного образа, хотят отобрать из Шарпанского скита икону Казанской Богоматери.

«Слышно еще, будто и насчет Шарпана вышел указ... Какой-то злодей, прости Господи, послал доношение: в Шарпанском-де скиту Казанскую икону Пресвятой Богородицы особне чествуют, на ее-де праздники много в Шарпан народу собирается старообрядцев и церковников. И на тех-де праздниках старицы Шарпанской обители поставляют кормы великие, а во время-де кормов читают народу про чудеса, от той иконы бываемые. И оттого-де многие от церкви отшатилися... Правда ли, нет ли, а слухи пошли, будто велено Казанскую из Шарпана взять... Сбудется такое дело – конец

Д. Вальчак

Керженцу... Престанет тогда наше житие пространное!» [8, I, 577 – 578], – говорит инокиня.

Не очень хорошо знакомая с местными преданиями Марья Гавриловна, долго не могла понять очевидной для Манефы связи между иконой и существованием скитов:

«Отчего ж скитам настанет конец, коль из Шарпана возьмут икону Казанскую? – спросила Марья Гавриловна» [8, I, 578].

Мать Манефа терпеливо объяснила незнающей гостье, что написанный до церковного раскола образ Казанской Богоматери является чудотворным, а по старинному преданию его присутствие в Шарпане является залогом дальнейшего существования лесных скитов:

«Икона та, сударыня, чудотворная, – ответила Манефа. – Стояла она в комнате у царя Алексея Михайловича, когда еще он пребывал в благочестии...<...> Пока тамо стоит, по тех пор, по гласу Богородицы, наши скиты целы и невредимы... Возьмут икону из Шарпана – всем скитам наступит конец, и место свято запустеет» [8, I, 578].

Опасность конфискации святыни подтверждают также письма, получаемые Манефой из Петербурга от живущих там старообрядцев. Некто Дрябин предостерегал игуменью, что в столице было принято решение о запечатании нелегально построенных скитов и в особенности о конфискации чудотворной иконы:

«Писал Дрябин, что дошло до Петербурга о Шарпанской иконе и о том, что тамошни старицы многих церковников в старую веру обратили... Навели справку в прежних делах, нашли, что Шарпанский скит лет пятнадцать перед тем сгорел дотла, а это было после воспрещения заводить новые скиты. Потому и хотят послать из Петербурга доверенных лиц разузнать о том доподлинно и, если Шарпан ставлен без дозволения, запечатать его, а икону, оглашаемую чудотворной, взять...» [8, II, 21].

Боясь потерять старообрядческую святыню, монахиня решила на время послать ценные иконы единоверцам в Москву и Петербург на хранение. Манефа хотела также уговорить игуменью из Шарпана, мать Августу, чтобы также отослала туда Казанскую икону Богородицы.

«Посылаю я к вам в Москву и до Питера казначею нашу матушку Таифу, – писала Манефа, – а с нею расположилась отправить к вам на похранение четыре иконы высоких строгоновских писем, да икону Одигитрии Богородицы царских

изографов, да три креста с мощами, да книг харатейных и старопечатных десятка три либо четыре. А увидясь с матушкой Августой, шарпанской игуменьей, посоветую ей и Казанскую Богородицу к вам же на Москву отправить, доколь не утишится воздвигаемая на наше убожество презельная буря озлоблений и напастей. А то, оборони Господи, лишиться можем столь бесценного сокровища, преизобильно верующим подающего исцеления» [8, II, 23].

Вопреки ожиданиям игумений других керженских скитов мать Августа на собрании решительно высказалась против того, чтобы спрятать чудотворную икону Казанской Богоматери у московских староверов, ссылаясь на то, что по преданию об иноке Арсении чудотворная икона никогда и ни при каких обстоятельствах не должна покидать Шарпана:

«Так видишь ли, матушка Фелицата, и все вы, честные отцы и матери, – сказала мать Августа. – Про то, что всем скитам конец настанет, егда нашу святую икону в никонианскую церковь внесут, ни единым словом в подлинном сказании не помянуто, а сказано: «Пока сия икона моя будет в той обители, дотоле древлее благочестие процветать в ней будет...». Где ж тут общее дело нашли вы?.. С чего же взяли, что от нашей иконы зависит судьба всех скитов и обителей?.. Видите словеса... До нас до одних пророчество, бывшее преподобному Арсению, относится, мы одни и повинны соблюдать сокровище наше яко зеницу ока и отнюдь не выносить его из обители. А придет час воли Божией, возьмут владычицу, восплачем, взрыдаем, но воле Божией покоримся безропотно... Сый человеколюбец все ко спасению людей строил ими же знает путями... Не довлеет нам, скудельным сосудам, испытывать неисповедимые судьбы его... Буди святая воля его!» [8, II, 405].

Оставленная в Шарпанском скиту Богоматерь Казанская и была вывезена в Петербург автором романа «В лесах» П. И. Мельниковым, а старообрядческие скиты на Керженце уничтожены. Так из биографии писателя, как и из его романа видно, что он был хорошо знаком с местной легендой о чудесном явлении Казанской иконы, и его действия носили вполне осозанный характер – конфискация образа представлялась ему очень хорошим средством для того, чтобы подавить морально и психически старообрядцев и тем самым достигнуть главной цели, которой была, возможно, быстрейшая ликвидация церковного раскола. При этом русский филолог В. И. Лепяхин подчеркивает факт,

Д. Вальчак

что вне зависимости от своей государственной деятельности П. И. Мельников вовсе не был иконоборцем, а скорее наоборот – знатоком и ценителем древней иконописи:

«По его романам, по «Очеркам поповщины», по «Письмам о расколе» мы видим, что писатель не просто любил и ценил древние иконы, но и признавал огромную роль старообрядцев в деле спасения многих памятников древнерусской иконописи от забвения и истребления» [6, 227].

В русской литературе XIX века найдем еще несколько описаний агрессии по отношению к старообрядческим иконам со стороны государственных властей. В антинигилистической дилогии Всеволода Крестовского «Кровавый пух» старик-старообрядец не хочет поверить революционным агитаторам в то, что русские солдаты якобы поубивали верующих в польской католической церкви, признавая при этом, что репрессии по отношению к старообрядческим иконам случаются довольно часто:

«Вот у нас, точно что бывало, злотворцы наши, чиновники земские понаедут, молельни позапирают, иконы святые отберут, иной озорник и надругательство какое сотворит, это все точно бывает об иную пору, а чтобы баб с ребятами в церкви колоть — это уж неправда!» [5, 165].

Разное отношение Н. С. Лескова и П. И. Мельникова к конфискации старообрядческих икон во многом объясняется различиями в их биографии и мировоззрении. Хотя оба они желали воссоединения старообрядчества с Православной Церковью, их взгляды в этом вопросе были совершенно разными. Лесков, писатель и публицист, был сторонником постепенных и мирных действий по отношению к старообрядцам, решительно осуждал самоволие государственных чиновников и повреждение ими иконы Ангела, в то время как государственный деятель Мельников считал, что только такие меры, как конфискация особо почитаемых икон, могут подавить дух старообрядцев и способствовать скорейшей ликвидации раскола. Характерно, что ни у одного из авторов не показана роль Православной Церкви в деле борьбы с расколом: есть единственный момент – отобранная у лесковских старообрядцев икона была помещена в православный храм.

Литература

1. Dąb-Kalinowska, B., Między Bizancjum a Zachodem. Ikony rosyjskie XVII–XIX wieku / B. Dąb-Kalinowska. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 157 s.
2. Достоевский, Ф. М., Смятенный вид / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полн. собр. сочинений: в 30 т. – Т. XXI. – Л.: Художественная литература, 1980. – С. 54 – 60.
3. Grimstad, K. A. Styling Russia. Structuring Mechnisms in the Prose Fiction of Nicolai Leskov / K. A. Grimstad. – Trondheim: NUST, 2000. – 213 pp.
4. Иванов, А. В. Псоглавцы / А. В. Иванов. – СПб: Азбука-классика, 2013. – 352 с.
5. Крестовский, В. В. Кровавый пух. Пангурово стадо: роман / В. В. Крестовский. – М.: ЭКСМО. – 2007. – 637 с.
6. Лепяхин, В. И. Икона в русской художественной литературе: Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы / В. И. Лепяхин. – М.: Отчий дом, 2002. – 735 с.
7. Лесков, Н. С., Запечатленный ангел / Н. С. Лесков // Лесков Н. С. Собр. сочинений. – Т. 1. – М.: Терра – Книжный клуб, 2007. – 668 с.
8. Мельников-Печерский, П. И. В лесах / П. И. Мельников-Печерский. – Т. I–II. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
9. Тарасов, О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в Императорской России / О. Ю. Тарасов. – М.: Прогресс – Культура; Традиция, 1995. – 495 с.
10. Trojanowska, B. "Odchodząca Ruś" i Rosja w twórczości Mikołaja Leskova: postaci, motywy, tematy, sposoby wyrażania / B. Trojanowska. – Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego 2008. – 332 s.

References

1. Dąb-Kalinowska, B. Między Bizancjum a Zachodem. Ikony rosyjskie XVII – XIX wieku [Between Byzantium and the West. Russian icons from the seventeenth to the nineteenth centuries]. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 157 s.
2. Dostoyevskiy, F. M. Smyatenny vid [Disturbed View] // Dostoyevskiy, F. M. Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomach [Complete Works in thirty volumes. – Т. XXI. – Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1980. – S. 54 – 60.

Д. Вальчак

3. Grimstad, K. A. Styling Russia. Structuring Mechanisms in the Prose Fiction of Nicolai Leskov. – Trondheim: NUST, 2000. – 213 pp.

4. Ivanov, A. V. Psoglavtsy [Doghead]. – Sankt-Petersburg: Azbuka-klassika, 2013. – 352 s.

5. Krestovskiy, V. V. Krovavyy puf. Pangurovo stado: Roman [Bloody poof]. – Moscow: EKSMO, 2007. – 637 s.

6. Lepakhin, V. I. Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature: Ikona i ikonopochitaniye, ikonopis' i ikonopisty [Icon in Russian Fiction: Icon and veneration of icons, iconography and icon painters]. – Moscow: Otchiy dom, 2002. – 735 s.

7. Leskov, N. S. Zapechatlennyy Angel [The Sealed Angel] // Leskov N. S. Sobraniye sochinenii [Collected Works]. – T. I. – Moscow: Terra – Knizhnyy klub, 2007. – 668 s.

8. Mel'nikov-Pecherskiy, P. I. V lesakh [In the Forests]. – T. I–II. – Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1955.

9. Tarasov, O. Yu. Ikona i blagochestiye. Ocherki ikonogo delo v Imperatorskoy Rossii [Icon and devotion. Essays on icon painting in the Imperial Russia]. – Moscow: Progress – Kul'tura Traditsiya, 1995. – 495 s.

10. Trojanowska, B. "Odchodząca Ruś" i Rosja w twórczości Mikołaja Leskova: postaci, motywy, tematy, sposoby wyrażania ["The outgoing Ruthenia" and Russia in the works of Nicholai Leskov]. – Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego 2008. – 332 s.

CONFISCATION AND DESTRUCTION OF ICONS AS ELEMENTS
OF GOVERNMENT REPRESSIONS AGAINST OLD BELIEVERS
ON THE BASIS OF NIKOLAI LESKOV'S STORY
"THE SEALED ANGEL" AND PAVEL MELNIKOV-PECHECKY'S
NOVEL "IN THE FORESTS"

D. Walczak

University of Warsaw, Republic of Poland

Abstract

In this article the functioning of the literary motif of aggression against the Old Believers' icons by the state authorities in the story "The Sealed Angel" (1873) by Nikolai Leskov and in Pavel Melnikov-Pechersky's novel "In the Forests" (1871 – 1881) was analyzed. A relation was established between the biographies and the worldviews of the authors and their attitude towards the problem of confiscation and destruction of Old Believers' images.

So in the Nikolai Leskov's novel, as well as the first part of Pavel Melnikov-Pechersky's dilogy, the confiscation and destruction of Old-Believers' icons are indicated as one of the more significant elements of state repression against Old Believers, although the assessment of repression

directed against each of the above writers is completely different. Despite the fact that both authors wanted to reunite the Old Believers with the Orthodox Church, the coercive measures of government officials in relation to the adherents of the old faith were considered differently. The sympathizing Old Believers Orthodox journalist Leskov in his “The Sealed Angel” creates an extremely pessimistic picture of the absolute self-will and the self-rule of state officials towards the Old Believers deprived of civil rights, which goes beyond all moral boundaries and does not stop even before the obvious blasphemy committed against the all-Orthodox holy – icon of Angel. At the same time, the government official Melnikov-Pechersky, who is actively fighting with the Old Believers, shows the confiscation of the Old Believers’ Icon of Our Lady of Kazan as a fully justified measure, which contributes to the speedy elimination of the church schism.

Keywords: icon, iconoclasm, orthodoxy, schism, Old Believers, repressions, Nikolai Leskov, Pavel Melnikov-Pechersky

Поступила в редакцию 15.01.2019